

РУССКО-БУРЯТСКОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В XVII – XIX ВВ.

О.В. Бураева

Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

olgaburaeva@mail.ru

Обращение к истории контактов русской культуры с культурами других народов представляет интерес потому, что этот материал дает разнообразие вариантов контактов и возникающих при этом заимствований. Особый интерес представляет Байкальский регион. В процессе миграций на весьма обширной территории русские вошли в контакт с представителями самых разных культур, в том числе бурятами.

Ключевые слова: взаимодействие, материальная духовная культура, русские буряты, Байкальский регион.

Общий ход этнической истории народов Байкальского региона во втором тысячелетии был определен двумя основными этнополитическими событиями, сыгравшими важнейшую роль в судьбе населения Евразии. Это возникновение, подъем и развитие монгольского и русского этносов, создавших на протяжении одного тысячелетия две великие державы, в состав которых входили и земли, прилегающие к Байкалу. Монголы и империя Чингисхана открыли эпоху развитого Средневековья, русские и Российское государство – эпоху Нового времени. Включение Сибири в состав молодого русского государства не просто вывело ее народы на новый виток развития, но и кардинально изменило весь ход их дальнейшего развития. Оно не только обеспечило этим народам поступательное движение в общем процессе социально-экономического и технологического развития Старого Света, но и вовлекло их в единое культурное пространство Евразии,

способствуя более активному участию сибирских этносов в жизни мировой цивилизации. В рамках этих двух направляющих в XVII – XIX веках на территории Предбайкалья и Забайкалья развернулись и интенсивные этногенетические процессы, в результате которых возникли новые народы, составляющие современную этническую картину региона¹.

Байкальский регион, с одной стороны, является контактной зоной, разграничивающей и одновременно объединяющей культуры центральноазиатских степей и сибирской тайги, с другой – входит в широкий пояс лесостепей, простирающийся от Урала до Амура, который образует особый, северный «культурный коридор», соединяющий западную и восточную части Северной Азии. Такое географическое положение

¹ Павлинская Л.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). – СПб.: Европейский Дом, 1999. – С. 165.

ние Байкальского региона способствовало тому, что, начиная с глубокой древности, возникновение и развитие культур проходило здесь в атмосфере взаимодействия народов обширного ареала, включающего Центральную Азию, Западную и Восточную Сибирь. Регион на протяжении тысячелетий являлся своеобразным этнокультурным перекрестком, что накладывало отпечаток на психологический характер существовавших на его территории народов. Широкое этнокультурное взаимодействие способствовало формированию здесь культур открытого типа, готовых к культурным инновациям, терпимым к иноэтническому присутствию и склонных к контактам с различными народами².

Байкальский регион с древности был вовлечен в процесс культурного взаимодействия западного и восточного центров цивилизации, что также определило психологическую готовность бурят к тесному взаимодействию с русской культурой, установившемуся в XVII – первой половине XVIII века. В немалой степени этому способствовал и древний исторический опыт славянской земледельческой культуры русских, которая уже с первых этапов своего существования всегда активно взаимодействовала с кочевыми скотоводческими культурами евразийских степей. И в данном случае сработала культурно-генетическая память русского этноса.

Присоединение народов, населяющих юг Восточной Сибири, происходило на протяжении 20-х–70-х годов XVII века. И хотя завоевание было совершено небольшими силами, сам процесс покорения не был кратковременным и легким. Приведенные к покорности и обложенные ясаком буряты неоднократно восставали. Однако

² Там же. – С. 166.

усиление маньчжуро-китайской экспансии не могло не сказаться на характере присоединения к России покоренных народов. К концу 50-х – началу 60-х годов XVII века у них проявилось стремление к закреплению в составе России.

Сразу за присоединением началось заселение завоеванных территорий. Русское население сначала концентрировалось вокруг основанных острогов, которые являлись центрами сбора ясака, охраны границ и транспортных путей. Вокруг них стали расти деревни, заимки, слободы, которые появлялись по берегам рек по мере продвижения русских на юг и восток от Байкала. В результате этого уже в XVII веке существенно изменилась этнографическая карта края. Русские деревни перемежались с бурятскими улусами и эвенкийскими стойбищами, вследствие чего началось взаимодействие этносов.

Перед нами тот вариант контакта двух разнотипных обществ, когда экзогенный фактор оказал благоприятное воздействие на ход этнических и культурных процессов благодаря стечению сразу нескольких обстоятельств.

Прежде всего, это характер самой культуры скотоводческого общества, которой свойственна высокая степень мобильности как в прямом, так и переносном смысле. Динамический способ ведения хозяйства: постоянные перекочевки, осваивание все новых территорий, высокая степень его технологичности и открытости инновациям, рождающие психологическую адаптивность и вместе с тем способность сохранять культурную традицию – все это способствовало естественному и быстрому вступлению скотоводов в разные виды этнокультурных контактов и установлению прочных симбиотических связей с обществами иных

хозяйственно-культурных типов. Важным моментом стало то, что буряты занимали территории, являющиеся мостом между двумя очагами цивилизаций Запада и Востока, которые исторически были предназначены к роли важнейшей контактной зоны.

Торговля с древнейших времен была и остается одной из форм межэтнического общения. С приходом русских в Сибирь торговые отношения бурят расширились и видоизменились. Натуральный характер хозяйства обуславливал слабое развитие внутренней торговли. Торговля носила разъездной характер. В конце 60-х годов XVIII века на границе с Монголией была открыта постоянная точка для торговли. Кяхтинская торговля оказала ощутимое влияние на хозяйственное развитие региона. Сотрудничество торговой деятельности явилось стимулом для общего развития этнических культур, открывая новые пути для проникновения в нее различных инноваций.

Рост колонизации, развитие внешней и внутренней торговли, зарождение промышленных предприятий, увеличение населения в городах и на заводах, необходимость продовольствия для ссыльно-каторжных и воинских частей – все это повышало спрос на продукты сельского хозяйства. Первоначальное существование двух хозяйственно-культурных типов со второй половины XVIII века сменяется активным вовлечением бурятского населения в земледельческое хозяйство. Этому способствовал и ряд государственных указов, обеспечивающих для бурят режим наибольшего благоприятствования в этой деятельности. Занятие земледелием требовало от бурят овладения новыми технологиями, что в исторической перспективе означало для бурятской культуры быстрое преодоление стадильной дистан-

ции. При этом скотоводство оставалось для бурят основным видом хозяйствования.

Судя по архивным данным, пионерами земледелия были родовые начальники, к чему их всемерно побуждали власти. У имущих слоев было больше возможностей в приобретении сельскохозяйственного инвентаря, семян. Но росла запашка и в неимущих хозяйствах, уже не способных прокормиться за счет одного скотоводства. Потребность же в деньгах, в которых нуждались все социальные группы общества, способствовала развитию новой отрасли хозяйства.

Система земледелия и орудия у бурят были такими же, как у русских. Приемы земледелия бурятское население воспринимало от окружающего русского крестьянства и своих сородичей, приступивших к нему ранее. Широкое распространение получили в первой половине хлебозапасные магазины.

Способы ведения хозяйства и орудия труда не претерпели серьезных изменений и продолжали оставаться во второй половине XIX века примитивными: деревянная сошарогалоха, соха-колесуха, сабан, плуг, борона. В конце XIX века стали распространяться веялки, молотилки, сеялки, но они не получили широкого распространения до проведения Транссибирской железной дороги.

Буряты применяли свою технологию обогащения почвы, которая сводилась к обильному удобрению полей навозом и искусственному орошению. С экономической точки зрения такая агротехника была прогрессивной, опережавшей свое время.

В разной степени в Иркутской губернии было развито огородничество. Как русские, так и буряты разводили капусту, табак, коноплю, огурцы, морковь, свеклу, редьку, горчицу, горох, арбузы, дыни, лук, чеснок, помидоры, тыкву, брюкву.

Бурятское население, перенимая и постепенно усваивая от русских земледельческие приемы и навыки земледельческого хозяйства, приобретали у них не только орудия, но и зерно. Поэтому в бурятском языке можно встретить целый ряд русских слов, обозначающих хлебные и другие растения, сельскохозяйственные орудия.

Скотоводство в крае находилось исключительно в руках местных бурят и их соседей монголов, которые снабжали русское население как молочным, так и мясным скотом. Приемы и способы ведения скотоводческого хозяйства в Иркутской губернии и Забайкальской области не были одинаковыми. Они различались у бурятского и русского населения.

Еще в XVII веке отдельные бурятские роды заготавливали сено, но в небольших количествах. О бытовании сенокосения у бурят до прихода русских говорит и бурятская терминология, связанная с этим видом деятельности. Более широко сенокосение начинает практиковаться в XVIII веке. В конце XVIII – первой половине XIX века в скотоводческом хозяйстве бурят происходят качественные изменения, связанные с ограничением перекочевков и развитием сенокосения.

Характерно, что сенокосение быстрее развивалось у западных бурят, которые были менее обеспечены скотом, так как падеж скота на их хозяйстве сказывался более сильно и восстановить его поголовье было труднее. В Забайкалье преобладало пастбищное скотоводство на подножном корму, но и здесь увеличивалась заготовка сена для подкормки скота зимой.

Несомненным достижением бурят следует считать удобрение и орошение ими своих сенокосов. Удобренные сенокосы у бурят назывались утугами. Во многих рай-

онах они еще и орошались наряду с обычными неудобренными сенокосными угодьями. Утужная система значительно повышала урожайность естественных сенокосов, улучшала состав травостоя и качество сена.

Унавоживание лугов в русских селах было новым явлением и было заимствовано у бурят не раньше 1870–1880-х годов. Характерно, что утуги существовали в тех русских селениях, которые были расположены вблизи бурятских улусов.

Многие русские крестьяне скотоводческих районов вели свои хозяйства по типу бурят. Содержание скота здесь было чисто бурятским.

Старожилое русское население многое почерпнуло из богатой скотоводческой практики бурят в новых для русского крестьянства условиях. Русские приобретали скот местной породы и усваивали различные навыки ведения скотоводческого хозяйства в местных условиях. Некоторые нерчинские казаки, особенно из числа богачей, обзаведясь огромными стадами скота, даже перешли к кочевому образу жизни, тогда как буряты уже начинали его оставлять.

Бывшие хлебопашцы, превратившись в скотоводов, мало чем отличались в быту от бурят. Приспосабливаясь к новым условиям жизни, русские перенимали у бурят вместе с самими понятиями названия из области скотоводства. Род занятий заставлял заимствовать дифференцированную скотоводческую лексику бурят, названия животных по отношению к ним как к производителям, слова, определяющие признаки домашних животных, названия лошадей по масти. Подражая бурятам, русские приучали, по всем правилам бурятского наезднического искусства, диких степных лошадей резко останавливаться и стоять без привя-

зи на одном месте. Они также заимствовали все принадлежности седлания лошадей вместе с бурятскими названиями.

Буряты под влиянием русских узнали способы изготовления телег и саней. А с 1810 года научились изготавливать конскую сбрую, хомут, дугу, вожжи, седелки, чересседельник и поводья. Они стали при их помощи запрягать лошадей в телеги и сани и активно участвовать в грузоперевозках и почтово-курьерской службе. И если упряжь верховой езды как в западном, так и восточном наречиях бурят не имеет заимствований, то большинство названий тягловой упряжи взято из русского языка (хомууд, божжо, гужэ, супоон, шодолха и др.).

Русское влияние сказалось на разложении натурального хозяйства бурятского населения, на развитии товарно-денежных отношений. Оно повысило культуру основной отрасли бурятского хозяйства – животноводства. В этой области влияние было обоюдным.

У бурят произошли значительные изменения под влиянием русских. Во-первых, ослабла зависимость от произвола стихии. Широкое распространение сенокосения вследствие ограничения кочевков, переход к стойловому содержанию скота уменьшили зависимость хозяйства от природных условий. При сенокосении пользовались привозными из европейской части России косями, совершенствуя их. Русские крестьяне со временем тоже стали пользоваться полновыми лугами.

Русское население смогло адаптироваться к сибирским условиям, используя внутренние резервы и опыт автохтонного населения, заимствуя у него необходимые элементы.

Процесс взаимодействия в ремесленной области не означал обязательных заимство-

ваний. Они проявлялись, скорее всего, в обмене услугами. Так, русские предпочитали отдавать бурятам шкуры и шерсть для обработки, считая их искусными мастерами в этом деле, приобретали ювелирные изделия бурятских кузнецов, предпочитали пользоваться услугами бурятских бондарей.

Русское влияние на бурятские промыслы сказалось незначительно. Скорее, даже некоторые промыслы пришли в упадок. В то же время у бурят появились плотники, которые делали сани, телеги, сохи и другие сельскохозяйственные орудия, строили дома.

Уже с начала XVIII века наметились изменения в образе жизни бурят. Развитие земледелия и сенокосения у бурят имело большое значение для перехода их к оседлости, что привело к строительству домов русского типа.

По мере освоения обширных земель русским населением, роста числа городов и населенных пунктов, развития промышленных предприятий и распространения хлебопашества буряты начали селиться компактнее, образуя нередко значительные улусы. В их жизни все большее значение приобретали города, крупные села как экономические центры, в которых сосредоточивались производственные, административные, торговые и культурные учреждения. Наметился переход бурят на полукошачью, а отчасти и на оседлый образ жизни. Однако в разных районах Бурятии характер поселений и формы жилищ были своеобразными, что объясняется природно-климатическими условиями и особенностями социально-экономического развития.

Переход к занятию земледелием не мог не сказаться на образе жизни бурят. Среди них развивались различные переходные формы от кочевья к оседлости. Этот процесс сказывался и в домашнем быту. Вой-

лочные юрты стали вытесняться деревянными, строились теплые зимовья. Развивалось строительство домов русского типа.

Разумеется, с ростом народонаселения увеличивалось число жилищ. Причем это увеличение было качественным, т. е. наряду с ростом количества юрт стало больше рубленых домов.

Русское влияние не было равномерным: оно сильнее сказывалось в тех местностях, где буряты ближе соприкасались с русскими, и слабее там, где это соприкосновение было сравнительно менее близким. Так, русское влияние среди балаганских бурят было заметнее, чем среди тункинцев. В Тункинском ведомстве влияние заметнее всего сказывалось в тех местах, где бурятские улусы чаще перемежались с селениями русских крестьян и казаков. Такое же явление происходило и в Забайкальской области.

В начале XX века бурятские поселения Западного Забайкалья имели вид маленьких деревушек, разбросанных по речным долинам и нагорьям. Основным типом жилища здесь еще в XIX веке стал бревенчатый дом, родственник русским срубным жилищам. Принцип и техника были заимствованы у местных русских крестьян. Первые дома в *хотонах* были построены с помощью русских плотников. Однако в конце XIX – начале XX века наряду со срубными избами бытовало традиционное жилище – войлочная юрта. В юртах жили преимущественно на летних пастбищах, но в некоторых улусах много юрт оставалось в хотонах (у семей, не вышедших в летники). Летом из деревянных домов они переходили в юрты, которые стояли во дворе.

С начала XX века в Западном Забайкалье в связи с развитием товарного земледелия и сенокосения, с усилением экономи-

ческих связей с городом началось интенсивное строительство жилых домов. Богатые и зажиточные буряты строили срубные дома, бедные же оставались в ветхих избушках, называемых *зимье* (искаженное от рус. *зимовье*). В этот период войлочные юрты окончательно вытесняются деревянными жилищами. Даже на летних пастбищах вместо войлочных юрт стали строить небольшие четырехстенные срубы с низкими крышами и без окон.

Новым в расселении и жилищах у бурят явились *заимки*, возникшие в первую очередь у зажиточных. Они строились около покосов и пашен. Иногда туда на зиму перегонялся скот, так как сено с отдаленных покосов не возили в зимники, а складывали на заимках. Заимки были индивидуальные и групповые.

В улусах появились лавки, погреба, хлебозапасные магазины или склады, школы, здания управ и ведомств, церкви и миссионерские станы, а в конце XIX века – пожарные сараи.

В начале XX века войлочные юрты слегка модернизировали: часть верхнего отверстия юрты закрывали остекленной рамой, так как вместо очага стали топить маленькие печки из плиточного камня, которые вскоре научились делать из кирпича, пользовались и железными печками. На юго-западной стороне юрты рядом с дверью стали прорезать небольшие оконца. А явление в бурятском языке русских названий, связанных с внутренним устройством дома, говорит об укоренении этих реалий в быту.

Переход к жизни в жилище оседлого типа у бурят осуществлялся постепенно, причем на первых этапах отмечались оба типа. Заимствование у оседлого русского населения конструкции, техники построй-

ки, планировки и отделки жилья – явление довольно распространенное. В дальнейшем жилища традиционного типа начинают использоваться сезонно (летом) как хозяйственные помещения. Рядом с чумом или войлочной юртой повсеместно вырастает четырехстенная избя.

Этнические традиции проявлялись главным образом в интерьере, однако и здесь к началу XX века произошли существенные изменения. Культурные взаимовлияния сказались в планировке и функциональном использовании помещений. В сельской местности получает распространение жилище с планировкой городского типа. Намечаются тенденции увеличения камерности с функциональным обособлением необходимых помещений (кухни, спален).

Несомненно, проводниками русской культуры была верхушка бурятского общества. Именно родовые начальники строили русские дома, приобретали русскую мебель и утварь, одежду, продукты питания, а уже через них все попадало в бурятское общество.

Русские, переселившиеся в Сибирь, в основном сохранили свою традиционную мучную пищу, однако в тех районах, где преобладали промыслы, пища их под влиянием географической среды и окружающего населения включала новые компоненты.

На первоначальном этапе освоения Сибири большую роль играли новшества, связанные с включением в рацион переселенцев продуктов местной флоры и фауны (дикий лук мангир, черемша, дикий чеснок, сарана и др., мясо диких животных и птиц). Лук, сарану, кипрей заготавливали на зиму, засаливая или засушивая. Продукты охоты и рыболовства были первостепенными в питании. В пищу употребляли медвежатину, оленину, зайчатину, куропаток, гусей,

различную рыбу (щук, карасей, осетров, стерлядь).

У местного населения были заимствованы способы приготовления и хранения пищи, в частности сушение, или вяление, и квашение рыбы. От местного населения были восприняты основные способы заготовки сушеной рыбы и ее названия.

По примеру бурят русские готовили *секишу*, т. е. варили кровь животного и, смешивая кровяной ступок с жиром, ели с таким же удовольствием, как и буряты. Сибиряки познакомились с чаем уже в XVIII веке, позднее он стал одним из самых распространенных напитков в России. В Забайкалье из кирпичного чая варили очень питательный чай – *затуран*. Пшеничную муку прожаривали на вытопленном внутреннем жире-сырце баранины или говядины, затем добавляли молоко и процеженную заварку зеленого кирпичного чая, доводили до кипения, и чай готов. Любители пили слегка подсоленным. Этот способ приготовления чая явно заимствован у бурят, как и само слово *затуран* (бур. *зутараан*).

Русское население употребляло *тарасун*. Подобно бурятам, русские «сидели афак» – делали вино, только не из кобыльего, а из коровьего молока, но по все правилам бурятского винокурения и со всеми бурятскими принадлежностями или орудиями этого процесса, опять с усвоением и всех бурятских названий, относящихся к этому делу предметов. К выпивке молочного вина в западных районах применялись выражения «архидачить» или «духорянить», связанные с обрядом вежливости – *духорян*, соблюдавшимся западными бурятами в обязательном порядке. Слово «архидачить» значило пить архи (молочную водку) или тарасун (перегнанную вторично молочную водку). Обычно во время приготовления тарасу-

на в юрте собирались гости и соседи, которые располагались вокруг очага. Хозяйка подавала чашку с тарасуном самому почетному или старейшему из гостей (или шаману), который сначала угощал очаг, потом, отпив немного, передавал ее хозяину или кому-нибудь из гостей с благопожеланиями. Получивший отпивал тарасун, отвечая на приветствие, доливал в чашку тарасун и снова передавал ее подавшему, который на этот раз выпивал до дна. Так происходило с каждым присутствующим. Последнюю чашку выпивали все гости по глотку, что означало хабай (дружба).

Успехи полеводства в XVIII – начале XIX века позволили воссоздать традиционную основу русской народной кулинарии с привычным соотношением растительных и животных продуктов, хотя доля мясных продуктов в питании населения региона была выше. Продуктовая база расширялась путем акклиматизации новых овощных и садовых культур. Для этого периода характерно преобладание традиционной русской кулинарии, превращение новаций в традиции и появление местных новаций. К середине XIX века процесс адаптации системы питания можно считать в основном завершенным, и в дальнейшем на созданной базе шло ее совершенствование и развитие.

В условиях сибирской зимы представлялось возможным проводить замораживание – термическую обработку и консервацию продуктов с помощью холода («засекание» во льду). Некоторые приемы замораживания русские заимствовали у народов Сибири, а некоторые придумали сами (замораживание пельменей, молока).

Наряду с традиционными продуктами и блюдами русские охотники и рыбаки употребляли в пищу и воспринятые от коренных народов. При этом инновации можно

разделить на две группы. К первой относятся снедь и блюда, воспринятые от автохтонных народов и широко употребляющиеся в пищу русским населением. В них не прослеживается специфика питания в условиях промыслов. Видимо, в пищевой набор охотников и рыбаков они попали уже как часть местного варианта русской кухни в целом и их заимствование не связано с промыслами. Примером может служить *арушень* – творог в виде маленьких лепешек, засушенный в печке, который употреблялся с чаем. Название схоже с бурятским *аарул*, что может свидетельствовать о заимствовании этого продукта у бурят. А.Д. Батурин называет этот вид снеди в перечне основных продуктов, которые русские брали с собой на охоту в начале XX века.

В XVIII веке западные буряты начали употреблять в пищу зерновые: ячмень, ярицу, пшеницу, которые составляли уже важную часть пищевого рациона. Для агинских же бурят хлеб еще в конце XIX века считался лакомством, его подавали к чаю маленькими ломтиками.

Сначала буряты выпекали пресный хлеб, затем научились печь из квашеного теста. Из пресного пекли в золе домашнего очага ржаные и ячменные лепешки, делали лапшу для заправки мясных супов. Из дрожжевого теста на кислом молоке стали выпекать бурятские шаньги.

Изменения в пище начались, когда получило широкое распространение земледелие. В употребление вошли хлебные и мучные изделия: хлеб (*хилээмэн*), булки (*булка*), ковриги (*хубэрэг*, *хубэриг*), калачи (*халааши*), лепешки (*лепешко*), оладьи, блины (*бэлины*), лапша (*лабшаа*), крупы (*хуртээ*). С развитием огородничества в пищу появляются картофель (*харттаабха*), лук (*лууг*), чеснок, капуста, морковь (*морхоог*, *морхообко*), огурцы (*гурсэ*).

В конце XIX–XX веков у бурят, перешедших к хлебопашеству, главным в питании становится хлеб, на втором месте – мясная пища, на третьем – молочная.

Основной пищей забайкальских и некоторых предбайкальских бурят были мясо и молочные продукты. Нижнеудинские, окинские и другие буряты, занимавшиеся в основном охотой, употребляли мясо диких животных и зверей. Прибрежные жители Байкала в значительной мере питались рыбой.

К концу XIX – началу XX века пища бурят стала более разнообразной, расширился ассортимент блюд: вошли в употребление пельмени, котлеты, щи и другие продукты.

Освоение широких пространств с различными природными условиями, многообразие межэтнических связей, появление специфического хозяйственного уклада у отдельных групп русских новоселов не могли не сказаться на их одежде. Изменения выражались в выработке своеобразных черт костюма, в которых новое, возникшее на чужбине (иногда заимствованное), сочеталось со старым, принесенным с собой из родных мест. Изменения происходили довольно медленно: постепенно появлялись региональные особенности.

Русскими были усвоены наиболее рациональные типы одежды местного населения. Русские заимствовали целый набор обуви у коренного населения: как кожаной, так и меховой, в том числе из меха диких животных, прежде не характерной для русской культуры.

Одежда бурят XVIII века еще не носила следов заимствований. Но уже в начале XIX века изменения очевидны. Зажиточные буряты начинают переходить к ношению русской одежды. Распространению среди бурят русской одежды и обуви способство-

вало появление в крае предприятий обрабатывающей промышленности, продукция которых сбывалась и аборигенам. Вместо кожи и шерсти для изготовления одежды все больше применялись сукна и хлопчатобумажные ткани. В Иркутской губернии буряты носили платье, шапки и русские сапоги, в Забайкалье – монгольское платье, сапоги и малахан. Летом почти все буряты носили одежду из тканей: бумажные и шерстяные ткани покупали у русских, шелковые – у китайцев.

При постепенном переходе бурят к оседлости появились совершенно новые формы одежды (зипуны, сарафаны, сапоги), для их изготовления использовался материал домашнего и фабричного производства. Например, в Предбайкалье стали изготавливать *зипун* – верхнюю мужскую одежду – из шерстяной вязаной, а затем валяной ткани. Ткань для зипунов отдавали валять русским или, в редких случаях, валяли сами. Способ валяния ткани зипунов отличался от традиционного бурятского, применяемого при изготовлении войлока.

Распространение одежды городского типа – рубаш, пиджаков, брюк, сапог и др. – повысило спрос на ткани и изделия фабричного производства. Внедрение и распространение такой одежды было обусловлено частично христианизацией, проводимой миссионерами среди бурят Иркутской губернии, а также желанием богатой прослойки бурят выделиться одеждой среди остальной массы населения и приблизиться к представителям господствующего класса, каковыми были в этом крае русские чиновники и купцы.

Ткани покупали в основном на ярмарках, устраиваемых в Иркутске, Киренске, Верхнеудинске, Нерчинске, Баргузине и Кяхте. Приобретала добротные ткани и

носила одежду городского типа только жилищная часть бурятского населения, а остальная довольствовалась одеждой из дешевых тканей – дабы, ситца.

Во второй половине XIX века в Сибири значительно оживляется торговля, обусловленная, прежде всего, развитием капитализма в России. Но постепенно снижается, а в конце XIX века падает значение кяхтинской торговли. Это было вызвано ограниченным ввозом китайских тканей. Распространение получают русские товары – хлопчатобумажные и льняные ткани, сукно.

Покрой русской одежды, крестьянские ткани, фабричные материалы русского производства, вытеснившие в XIX веке китайские, имели большое значение для развития одежды у народов Сибири. Русские картузы, платки, платья стали употребляться оседлыми бурятами, эвенками, тофаларами. Русское же крестьянство использовало в своем обиходе многие части одежды местного населения. Во многих местах, особенно в таежных районах, русские охотники использовали местные типы обуви, одежды или делали свою по их образцу. Тем не менее традиционный костюм исчез не сразу и не полностью, он подвергся сильной трансформации при сохранении основных характерных черт. Изменения касались, в первую очередь, материала одежды, ее украшений, реже – ее конструктивных особенностей, а также обуви и головных уборов. В регионе имела широкое распространение традиционная одежда русских и бурят, однако ее коснулись изменения, выразившиеся в проникновении русских городских форм. К тому же традиционная одежда имела ярко выраженные классовые различия.

В целом уже в конце XVIII – первой половине XIX века обнаруживаются значительные инновации в области материаль-

ной культуры коренных народов региона. Степень этого влияния определялась двумя обстоятельствами: длительностью соседства с русской деревней и распространением земледелия, которое усиливало контакты и влекло за собой переход к оседлому образу жизни, стимулировавшему изменения во многих сторонах материальной культуры.

Языковая коммуникация, начиная с XVI века, поддерживалась благодаря билингвизму части населения. Существование в XVII–XVIII веках среди населения Юго-Восточной Сибири людей (исключая специальный институт толмачества), знающих два и более языков и функционально применяющих их, можно отнести к элементам зарождения новых отношений. Поскольку интегрирующие и дифференцирующие свойства представляют диалектическое единство, то зарождение в XVII веке в полиэтничной сибирской среде двуязычия выступало, с одной стороны, как средство этнокультурного сближения, с другой – консолидационных процессов народностей Сибири.

Крещение также способствовало переходу бурят к оседлости, изменению образа жизни, более тесным контактам с русскими в быту, зарождению семейных связей. Однако христианство не разрушало религиозного миропонимания бурят. Рядом с христианскими богами в мировоззрении местного населения жили тэнгэри, хаты, духи. Культ Николая Угодника был особенно распространен в тех ведомствах, где получило наибольшее развитие земледелие – среди идинских, кудинских, аларских, тункинских и кабанских бурят.

В казачьей церкви в Тунке имелся образ святого Николая, привезенный из русского острожка с Косокола, с бурятским типом: редкой бородой и усами, назад зачесанными волосами и медными украшениями в

буддийском стиле с неизменным лотосом. 9 мая этот образ в особенности привлекал бурят, почитавших в нем Цаган-Убуктуна (седого старика), о котором у них существовало много легенд, сходных со сказаниями о святом Николае Чудотворце.

Интересный случай имел место в Тунке, где находится священная скала Буха-нойон. Ламы на одном из выступов скалы построили буддийскую кумирню, а православные миссионеры в 1861 году на другом выступе скалы – часовню, посвятив ее святому Парфению. Таким образом, в буддийской кумирне Буха-нойону молились буддисты, в православной часовне – крещеные буряты, а буряты-шаманисты продолжали устранять свой традиционный тайлаган.

К христианским датам приурочивались производственно-религиозные обряды шаманистов. Например, накануне Пасхи буряты срезали гривы и хвосты лошадям, обрызгивая вином шаманских богов – покровителей лошадей. Святому Николаю, покровителю земледелия, посвящали тайлаган перед посевом и хлебоуборкой. Так, буряты янгутского рода перед выездом в поле молились по-русски Николаю-бурхану и одновременно совершали обряд по-бурятски, окуривая богородской травой и пихтовой корой лошадь и телегу с семенами, в поле брали с собой буханку хлеба, брызгали водкой. По случаю засухи организовывался крестный ход по засеянным полям, в котором принимали участие и некрещеные буряты. В XVIII веке в быт бурят и эвенков постепенно внедряются русское летосчисление и календарь.

Распространению среди бурят христианского учения способствовали перевод и издание христианской литературы на бурятском языке. Эта литература так или иначе распространялась в бурятских улусах, чи-

талась частью бурят и в устной форме становилась известной многим людям. В сознании шаманистов оставались идеи христианского учения, которые смешивались с шаманскими, а в ряде случаев и с буддийскими. В результате происходило изменение в шаманистском мировоззрении, возникал определенный синкретизм не только в идеологической системе, но и в культовой практике. Следствием влияния христианства явилось двоеверие. Известно немало случаев, когда буряты исповедовали шаманизм и православие или ламаизм и шаманизм.

Принятие христианства бурятами, переселение их в русские деревни или переход на оседлый образ жизни, занятие земледелием, учеба в русских школах и т. д. объективно способствовали развитию культурных связей между русскими и бурятами, взаимодействию и взаимовлиянию как в материальной, так и в духовной областях жизни. Можно говорить о положительной роли христианства в развитии культуры бурят. Распространение грамоты, побуждение к занятию земледелием, помощь в освоении земледельческих навыков было возможным во многом благодаря распространению христианства среди бурят и эвенков. А вовлечение бурят и эвенков в орбиту экономических, политических и культурных связей Восточной Сибири и всего Российского государства способствовало усилению этих связей с русским народом. Пребывание русского и бурятского народов в едином конфессиональном пространстве существенно способствовало развитию межэтнических связей, сокращению этнокультурной дистанции.

Хозяйственная адаптация русского населения к новой среде обитания должна была повлечь за собой и изменения в рели-

гиозных представлениях. Приспособление системы традиционных верований русских к новым условиям протекало при непрерывном взаимодействии с коренными народами региона – бурятами, эвенками, что не могло не отразиться на их содержании.

Для того чтобы обезопасить себя от негативного воздействия, необходимо было просто следовать правилам общения с духами-хозяевами: просить разрешения для остановки на отдых, угощать в случае приема пищи на их территории. Так как в ведении этих духов обычно находилась небольшая территория, то на ход промысла оказывать влияние они не могли. Свое недовольство они проявляли, мешая спать во время привала.

Имели место и заимствования. Все они были основаны на том, что анимизм – неотъемлемая часть религиозного мировоззрения каждого народа, и духи бурят являются реально существующими и для русских, и наоборот. Речь идет не о полном пантеоне божеств того или иного народа, который отражает реалии его собственной жизни и не будет весь востребован другим народом, а о духах, олицетворяющих лес и водоемы как промысловые угодья, занимающие одинаково важное место в жизни и русских, и бурят, и эвенков. Таким образом, все они стоят перед единым миром сверхъестественного, при этом каждый народ владеет знаниями, позволяющими контактировать только с определенной его частью. Остальное ему незнакомо, но от этого оно приобретает только большее значение.

В силу этого представитель соседнего этноса рассматривается как носитель знания, позволяющего задабривать и просить помощи у незнакомых божеств, при этом часть заимствованной культовой практики

применяется и для задабривания собственных духов-хозяев местности. Поэтому русские промысловики, нуждаясь на промысле в нерациональных способах обеспечения удачи, использовали любую информацию о правилах поведения в угодьях, в том числе и полученную от бурят и эвенков. Так, например, если возлияние духам-хозяевам спиртного являлось традиционным для русской культуры, то выполнение его путем брызганья по сторонам с кончиков пальцев свидетельствует о заимствовании. Заимствованным считается и запрет проливать кровь рыбы на лед во время подледного лова, в противном случае хозяин будет недоволен и рыба будет плохо ловиться. Этому русских научили буряты. В язык русских промысловиков прочно вошло слово *бурхан* в значении *дух-хозяин*, или место, где совершают ему подношения.

Результатом контакта русских промысловиков с бурятами и эвенками стало почитание духов умерших шаманов. Речь не идет о перенимании всей системы представлений об этой категории духов, существующей у соседних народов. Русское население относилось к шаманам как к людям, обладающим сверхъестественными способностями, и потому считало сакральными их захоронения, а дух шамана воспринимался как дух-хозяин данной местности.

Почитали и почитают русские священные места бурят на дорогах, у рек и на горных перевалах. Они воспринимаются как места, где необходимо совершить символическое подношение духу-хозяину местности – монеты, сигареты, спички, стреляные гильзы и другое – просить хорошей дороги, помощи. Такие представления были широко распространены среди русских в Сибири.

В мировоззрении русских сохранялось много суеверий, остатков языческих народных воззрений, которые «оживились», не в последнюю очередь благодаря особенностям жизни и контактам с аборигенами.

Русские в районах тесного проживания с бурятами относились к действительности через призму их мировосприятия. Отношения между людьми находились в одном культурном поле, определялись символическим языком, который был немногословен, конкретен.

Наблюдались факты вторжения (правда, проявлялось оно только внешне) буддизма в религиозные представления русских.

Бесконфликтность сосуществования на стыке культур требует как минимум уважения религиозных представлений и обычаев соседнего народа, а в лучшем – принятия их. Последнее очень важно при длительном проживании народов на одной территории, поскольку определяет уровень комфортности в сфере межкультурной коммуникации. Все это и присутствовало в складывающемся культурном комплексе Байкальского региона.

Таким образом, синкретизм религиозных воззрений русских и бурят явился источником опыта толерантности, залогом мирного существования и положительного межкультурного взаимодействия.

Формы культурной взаимосвязи народов были многообразными. Хозяйственные, административные, торговые и бытовые связи способствовали тому, что русские крестьяне овладевали бурятским, а буряты – русским языком. В XVII–XVIII веках бурятский язык оказывал более сильное влияние на лексику говоров русских старожилов, чем последние на язык бурят. Впервые, прибывшие на новое место сталкивались с иным растительным и животным

миром, и все названия заимствовались у местных жителей. К приходу русских большая часть мест, гор, рек, озер, долин, ключей, речек носила бурятские и эвенкийские названия. Русские восприняли их еще в конце XVII века. Во-вторых, общие экономические интересы заставляли русских и бурят общаться на одном из их языков, и малочисленное по сравнению с аборигенами пришлое русское население овладевало бурятским языком. При торговле, аренде земли, общих сельскохозяйственных работах, при извозе в основном общались мужчины, поэтому почти все русское мужское население знало бурятский язык, в отличие от женщин и детей, которые либо плохо владели им, либо вовсе не знали его. Первые поселенцы больше занимались скотоводством и учились у бурят этой отрасли хозяйства. Перейдя к земледелию и оседлому образу жизни, буряты приглашали к себе в улусы русских. В период уборки урожая «в наймы» к бурятам шла русская молодежь. Русские крестьяне арендовали земли у бурят под пашни и сенокос. Среди бурят жили русские ремесленники: печники, плотники, столяры, шорники. В русских деревнях было много ясных, в семьях которых говорили на двух языках – русском и бурятском.

Из русских лексических заимствований в бурятском разговорном языке преобладают обиходно-бытовые и производственно-хозяйственные слова, обозначающие домашнюю обстановку и утварь, продукты питания, одежду и обувь, упряжь и гужевой транспорт, надворные постройки и столярное дело, предметы и явления из области полеводства и огородничества, торговые изделия и финансы.

Наиболее многочисленные заимствования, принятые из бурятского языка в разго-

ворный русский и насчитывающие десятки словарных единиц, также относятся к области хозяйства и быта: термины животноводства, предметы и понятия бытовых и этнографических особенностей.

Достаточно беглого взгляда на факты взаимных языковых заимствований, чтобы понять, что русские и буряты вступали в контакт на здоровой почве и обогащали друг друга трудовым и жизненным опытом. Если буряты усвоили от русских предметы, понятия и их названия, связанные с полеводством, оседлой обстановкой и товарно-денежными отношениями, то русские перенимали у бурят предметы, понятия и их названия, связанные с животноводством и местными сибирскими условиями.

Бурятское население, перенимая и постепенно усваивая от русских земледельцев приемы и навыки земледельческого хозяйства, приобретало у них не только орудия, но и зерно. Поэтому в бурятском языке можно встретить целый ряд русских слов, обозначающих хлебные и другие растения.

К ранним заимствованиям следует отнести названия некоторых домашних и диких животных и птиц. Русские учились у коренных жителей познавать природу края, в результате чего словарный запас охотников значительно пополнился.

Существование среди населения региона людей (исключая специальный институт толмачества), знающих два и более языков и функционально применяющих их, можно отнести к элементам зарождения новых отношений. Поскольку интегрирующие и дифференцирующие свойства представляют диалектическое единство, то зарождение в XVII веке в полиэтничной сибирской среде двуязычия выступало, с одной стороны, как средство этнокультурного сближе-

ния, а с другой – консолидационных процессов этносов Сибири.

Межэтнические контакты русских с бурятами осуществлялись и путем биологического смешения. Образовались целые поселения с метисным населением, смешанные браки привели к изменению внешнего облика как русских, так и бурят. В XVII–XVIII веках русские вследствие своей малочисленности испытывали на себе большее влияние бурят, нежели последние на себе. Смешанное население одинаково владело русским и бурятским языками, хотя господствующим был бурятский, восприняло хозяйственные, социально-бытовые черты, традиции и обычаи обоих народов.

Межэтнические контакты, взаимовлияние этносов выражали способ их существования и являлись неотъемлемым свойством их бытия. Это был и есть естественный исторический процесс обмена деятельностью и ее результатами. Межэтническое взаимодействие осуществлялось по разным поводам, в различных сферах и находило многогранные формы, виды и способы выражения и проявления. Сама структура общества обуславливала существование как группового, так и индивидуально-личностного общения. Реализуясь в групповом и индивидуальном поведении, межэтнический контакт охватывал практически все сферы культуры и быта. В существенной мере изменение этнических свойств под влиянием процессов совершалось на личностном уровне.

Литература

Павлинская А.Р. Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). – СПб.: Европейский Дом, 1999. – 359 с.